

Валентин Пикуль

Двое из одной деревни

Часть сборника
Через тернии — к звездам.
Исторические миниатюры

Валентин Саввич Пикуль
Двое из одной деревни
Серия «Через тернии
– к звездам», книга 26

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164155

*Пикуль В. Через тернии – к звездам. Исторические миниатюры: АСТ,
Вече; 2002*

ISBN 5-17-010665-3, 5-7838-0969-1

Аннотация

«...Дорожный тракт был всегда в оживлении, одни в Москву, иные в Питер ехали, – вот они и жили, кормясь с путников. Упаси Бог, не подумайте, что Лукин с Байковым проезжих грабили, – нет, они имели кормление с невообразимой гигантской лужи, которая (со времен царя Алексея Тишайшего) кисла и пузырилась как раз посреди тракта, давно закваканная лягушками. Так что, сами понимаете, все кареты или коляски прочно застревали посреди этой лужи, и, бывало, даже шестерка лошадей часами билась в грязи по самое брюхо, не в силах вытащить карету из ветхозаветной российской слякоти...»

Валентин Пикуль

Двое из одной деревни

Историческая миниатюра

Сейчас уже трудно восстановить истину – из далекого прошлого дошли только смутные отголоски преданий. Верить ли им? Но когда ничего не осталось, кроме легенд, приходится брать на веру даже слухи из былой, невозвратной жизни...

С чего начать? Начну просто. Жили-были два здоровущих балбеса в убогой деревушке, что неприхотливо раскинула избенки близ дорожного тракта. Один был дворянин Митя Лукин, другой – Ильюшка Байков, его же крепостной, который своего барина почитал верным приятелем, и расставаться они не собирались – дружили! Из родни Лукин имел только дядю, который, опекунствуя над недорослем, нарочно держал его в черном теле, ничем не балуя. Потому-то, наверное, сам жил в Москве, сибаритствуя, держа племянника в забвенной деревне, а крепостного ему дал только одного – словно в насмешку.

Читатель уже догадался, что с одного крепостного сытым не бывать. Тем более что ни пахать, ни сеять они не собирались, а жили как птицы небесные, что Бог подаст – то и ладно! Жили в крестьянской простоте: на одних полатах спали,

из одной миски щи лаптем хлебали, одною овчиною укрывались, а кто тут дворянин, кто раб его, – об этом не думали, ибо, живущие в простоте, совместно делили свое убожество. И, отходя ко сну, согласно зевали:

– Что-то Боженька даст нам завтра? Хорошо бы дождь хлынул да грязи развезло поболее, чтобы нам, сиротинушкам, была пожива верная... Ну, спим, братец. Утро вечера мудренее...

Дорожный тракт был всегда в оживлении, одни в Москву, иные в Питер ехали, – вот они и жили, кормясь с путников. Упаси Бог, не подумайте, что Лукин с Байковым проезжих грабили, – нет, они имели кормление с невообразимой гигантской лужи, которая (со времен царя Алексея Тишайшего) кисла и пузырилась как раз посреди тракта, давно закваканная лягушками. Так что, сами понимаете, все кареты или коляски прочно застревали посреди этой лужи, и, бывало, даже шестерка лошадей часами билась в грязи по самое брюхо, не в силах вытащить карету из ветхозаветной российской слякоти.

С первыми петухами Лукин и Байков, зеваючи, выходили на тракт, как на работу, и укрывались под кустами недалеко от этой лужи, терпеливо ожидая добычи.

– Во, кажись, кто-то едет, – прислушивался Илья.

– Далеко не уехать, – отвечал Лукин, – и нашей лужи никому не миновать, а нам сейчас прибыль будет...

Точно! Как всегда (уже второе столетие подряд), карета

застревала посреди громадной лужи, ямщик напрасно стегал лошадей, из окошек выглядывали встревоженные лица путников, и скоро слышался их крик о помощи:

– Эй, в поле! Есть ли душа живая? Помоги-и-и-те...

Лошади выбивались из сил, а коляска все больше погружалась в грязь, тут Лукин с Байковым вылезали из кустов, и, увидев их кулаки величиною с тыкву, проезжие первым делом не радовались, а пугались, ибо этим парням только кистеней не хватало да не свистели они Соловьем-разбойником.

– Ну-к што? – говорил Лукин. – Мы помочь завсегда рады-радешеньки, тока и вы нас, люди добрые, не забывают...

После такой преамбулы парни смело забирались по пояс в середину лужи – и – раз-два, взяли! – *на руках* выносили карету с пассажирами на сухое место, да с такой нечеловеческой, почти геркулесовой силой, что лошадям нечего было делать. Тут, вестимо, их награждали: когда гривенник дадут, когда копейку, а однажды застрял в луже очень знатный вельможа, так он даже плакал от радости и рубля не пожалел...

Митя Лукин с Ильёй Байковым об одном Бога молили: “Чтоб эта лужа ни в кои веки не пересохла, чтобы эти каналы-инженеры не вздумали дорогу чинить... Тады мы страдаемся! А захотим, так новую лужу создадим, еще глубже...”

Беда пришла с иной стороны – от дяди. Велел он племян-

нику быть в Петербурге, чтобы заполнить вакансию в Морском корпусе, и в этом решении дядя, очевидно, исходил из житейской мудрости: с глаз долой – из сердца вон!

– А как же я? – закручинился Илья Байков.

– Не горюй, – утешил его Митенька, – я тебя не покину, и до Питера потопаем вместе... Сбирайся!

Сплели они себе новые лапти, перекинули через плечи котомки с немудреным скарбом и – пешком! – отправились в столицу, где их поджидала удивительная судьба. О двух парнях из одной деревни написано очень много, и все мемуаристы сошлись в едином мнении: живи они в древние античные времена, когда в людях превыше всего ценилась атлетическая сила, ставили бы им памятники в Афинах, их статуями украшали бы Акрополь.

Читатель, с семейными преданиями отныне покончено, перейдем к официальной части, которая составлена по документам и воспоминаниям современников...

Итак – Петербург, время царствования Екатерины Великой.

На берегах Невы Дмитрий Александрович Лукин расцеловал своего товарища, со слезами простился и сказал ему так:

– Нашто мне тебя, Ильюша, в рабстве томить? Ступай-ка, братец, на волю, чтобы писаться впредь Ильёй Ивановичем...

И стал Илья Байков “вольнотпущенным”, то есть ничейным: сам себе голова! Хотел было он снова подле какой-нибудь хорошей лужи пристроиться, чтобы иметь верный прибыток, но – вот беда! – улицы Петербурга таковы, будто их утюгом выгладили, а от ровных мостовых какая пожива? С детства любивший лошадей, Байков устроился при конюшнях: когда овса лошадям засыпать, когда под хвостом у кобылы помыть, был он в этом обиходе большой мастак, советы давал дельные, и потому скоро его в столичных конюшнях знали. Служил кучером у разных господ, поднакопил денег, в полиции ему паспорт выправили, стал Байков писаться “мещанином”.

Иначе складывалась стезя дворянская, стезя офицерская. Произведенный в гардемарины, Лукин плавал на Балтике, под парусами ходил до Архангельска и обратно, а в 1789 году стал лейтенантом, в войне со шведами дрался во многих баталиях, а с 1794 года командовал скутером “Меркурий”... Как учился Лукин в корпусе – не знаю. Но зато мне известно, что до самой смерти читать он так и не научился. Однако памятью обладал феноменальной. Еще в корпусе, прослушав лекцию по навигации или стрельбе плутонгами, он на всю жизнь укладывал ее в своей голове. Если ему приносили диспозицию к бою, он велел читать вслух, и тут же самый мудреный текст повторял слово в слово без единой запинки. Сейчас такие головы, как у Лукина, более схожие с компьютерами, считаются чудом природы, феноменом небывалых

возможностей человеческого мозга, а тогда... Тогда больше дивились силе его, а не памяти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.